А кого из вас усмотрю заскорбевших како, и тех вземши ношу домой всяко,
(л. 117) И тамо им всем исповедь сотворяю, и всякое радение о исцелении
их являю.

Кур рече:

Да чего же ради, мати моя, домои они не бывали, и мы их давно уже не
видали?
И думаю я толко бы чуть они не погублены, и вечно[1] знать они спать.[2]
А в некое время выходил я за гуменное одверья и видев на земли брата
моего одно перья.

Лисица рече:

Многия из них долговременно скорбеют, того ради лекарство у меня имеют
и емлют.
А иные во епитимиях изволили у меня сами быти, а я дала им по воли их
творити.
Те здравы поют и ныне, изволиш себе с краснаго сего древа снити, а их
всех собою посмотрити.
А я с тобою к ним схожу, и всех их поименно раскажу.
И о том тебе, друг мой, курушко, будет верно, и ни в чем, душа моя,
несумненно.
А подошед поближе, изволь хорошенко запети, а к тебе на встретение
выдут все мои духовные дети.
И они тебе возрадуются душевно, о чем и слышать тебе будет полезно,
Да там жа у меня есть (об.) сестрицыни деточки, мужнены девочки,
Лисеночки изрядные и в разуме избранные.
А тебя они еще у себя не видали, разве от нас старух где слыхали.
И они тебе учтиво все поклонятся,
И ты их изволь пению своему научити, а я всеусердно рада их всех тебе
вручити.
А что сказываеш выходил де ты за гуменное одверье и видел брата своего
на земли одно перье,
И о том ты, друг мои курушко, не смущайся, не я то учинила, разве
другие звери, и ты не прелщайся.
Я в то время утреннюю пела, а слышала, как сава птица кура ела.
А то неложная, курушка, весть, что истинно та блядь кур ест.
А про нас говорят, бутто все лисицы едят.

1—2 В сп. Q. XIV. 27 правильнее: «бы от тебе не потреблены».